

Применение принципа правовой определенности к таможенным правоотношениям Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза

Аннотация. Принцип правовой определенности, согласно которому установленные правила должны позволить заинтересованным лицам четко понимать объем наложенных на них обязательств, нашел широкое применение в практике Суда Европейского Союза и Суда Евразийского экономического союза, посвященной таможенным правоотношениям. Данный принцип используется Судом ЕС и Судом ЕАЭС не только в качестве дополнительного способа аргументации, но и как самостоятельное основание контроля законности актов вторичного права, принимаемых органами данных интеграционных объединений. Как показывает анализ практики Суда ЕС, данный принцип имеет два основных аспекта: материальный, выражающийся в требовании ясности акта, и темпоральный, связанный прежде всего с запретом обратной силы акта ЕС. При этом в рамках материального аспекта Суд ЕС обращает внимание не только на отсутствие внутренних противоречий в акте, но и на соблюдение требования о публикации акта и об указании правовой базы. В практике Суда ЕАЭС (и ранее Суда ЕврАзЭС), посвященной таможенным правоотношениям, соблюдение принципа правовой определенности проверяется в аспекте ясности и непротиворечивости решений Комиссии. Как показывает практика Суда ЕАЭС, посвященная классификации отдельных видов товаров, нарушение данных требований может являться следствием как смешения в содержании одного классификационного решения классификационных признаков, характерных для разных товарных позиций, так и отсутствия в классификационном решении необходимых классификационных признаков, позволяющих разграничить товары, подлежащие классификации в различных товарных позициях. В этих случаях несоблюдение требования правовой определенности служит безусловным основанием признания решений Комиссии не соответствующими праву ЕАЭС.

Ключевые слова: Суд Европейского Союза; Суд Евразийского экономического союза; общие принципы права Союза; правовая определенность; таможенные правоотношения; классификация товаров.

Для цитирования: Энтин К. В. Применение принципа правовой определенности к таможенным правоотношениям Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 6. — С. 100–109. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.100-109.

© Энтин К. В., 2023

* Энтин Кирилл Владимирович, кандидат юридических наук, заместитель руководителя Секретариата Суда Евразийского экономического союза — начальник экспертно-аналитического отдела, заведующий евразийским сектором Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
kir-entin@mail.ru

Application of the Principle of Legal Certainty to Legal Relations in the field of Customs by the Court of Justice of the European Union and the Court of the Eurasian Economic Union

Kirill V. Entin, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union, Head of the Expert and Analytical Department, Head of the Eurasian Sector of the Center for Integrated European and International Studies, HSE University
ul. Myasnitskaya, d. 20, Moscow, Russia, 101000
kir-entin@mail.ru

Abstract. The principle of legal certainty, according to which the established rules should allow interested parties to clearly understand the scope of the obligations imposed on them, has found wide application in the practice of the Court of Justice of the European Union (CJEU) and the Court of the Eurasian Economic Union (EAEU Court) on customs legal relations. The CJEU and the EAEU Court not only use this principle as an additional method of argumentation, but also as an independent basis for monitoring the legality of secondary law acts adopted by the bodies of these integration associations. As the analysis of the practice of the CJEU shows, this principle has two main aspects: material, expressed in the requirement of clarity of the act, and temporal, associated primarily with the prohibition of retroactive effect of the EU act. At the same time, within the framework of the material aspect, the EU Court draws attention not only to the absence of internal contradictions in the act, but also to compliance with the requirement to publish the act and to indicate the legal framework. In the practice of the EAEU Court (and earlier the EurAsEC Court) on customs legal relations, compliance with the principle of legal certainty is checked in terms of clarity and consistency of the Commission's decisions. As the practice of the EAEU Court devoted to the classification of certain types of goods shows, a violation of these requirements may be a consequence of both the confusion in the content of one classification decision of classification features characteristic of different commodity items, and the absence in the classification decision of the necessary classification features that allow distinguishing the goods subject to classification in different commodity items. In these cases, non-compliance with the requirement of legal certainty serves as an unconditional basis for recognizing the Commission's decisions as inconsistent with the law of the Union.

Keywords: Court of Justice of the European Union; Court of the Eurasian Economic Union; general principles of the law of the Union; legal certainty; customs legal relations; classification of goods.

Cite as: Entin KV. *Primenenie printsipa pravovoy opredelennosti k tamozhennym pravootnosheniyam Sudom Evropeyskogo Soyuza i Sudom Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [Application of the Principle of Legal Certainty to Legal Relations in the field of Customs by the Court of Justice of the European Union and the Court of the Eurasian Economic Union]. *Lex russica*. 2023;76(6):100-109. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.100-109. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Принцип правовой определенности, зародившийся еще в Древней Греции и Древнем Риме¹, является фундаментальным принципом права, напрямую проистекающим из верховенства закона. Согласно данному принципу те лица, которые подпадают под действие закона, должны иметь возможность понимать его и планировать свои действия соответственно². Одним из первых теоретических обоснований принципа

правовой определенности является позиция лорда Диплока, изложенная в решении Палаты лордов Великобритании по делу *Black Clawson Ltd v. Papierwerke AG*³: принятие верховенства закона как конституционного принципа требует, чтобы гражданин, перед тем как выбрать определенный вариант поведения, имел возможность знать заранее, какие правовые последствия эти действия повлекут.

Принцип правовой определенности нашел широкое отражение в практике Суда Европей-

¹ См.: *Van Meerbeeck J.* The Principle of Legal Certainty in the Case Law of the European Court of Justice: From Certainty to Trust // *European Law Review*. 2016. Vol. 41, No. 2. P. 275–278.

² См.: *Tridimas T.* The General Principles of EU Law. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 242.

³ Court of Appeal (Civil Division). *Black-Clawson International Ltd v. Papierwerke Waldhof-Aschaffenburg A. G.* [1974] EWCA Civ J0319-1.

ского Союза. Как указал Суд ЕС в решении по делу Heinrich⁴, принцип правовой определенности требует, чтобы установленные в рамках Сообщества правила позволяли заинтересованным лицам четко понимать объем наложенных на них обязательств. Частные лица должны иметь возможность однозначно установить, каковы их права и обязательства, и планировать свои действия сообразно им. При этом важно отметить, что правовая определенность рассматривается Судом ЕС в качестве общего принципа права Евросоюза, что предполагает возможность его использования не только при толковании актов институтов ЕС, но и в качестве самостоятельного основания контроля законности данных актов⁵.

Согласно практике Суда ЕС данный принцип должен соблюдаться особенно строго в тех случаях, когда нарушение правовых предписаний может стать основанием для наложения санкций на частных лиц или повлечь финансовые последствия, с тем чтобы позволить заинтересованным сторонам с достаточной точностью понимать объем возложенных на них обязательств. Соответствующий подход изложен в правовой доктрине⁶, а также закреплен в практике Суда ЕС, в частности в решениях по делам Ireland v. Commission (Fishing Quotas Case)⁷, Commission v. France⁸, Opel Austria v. Council⁹.

Одной из характеристик общих принципов права ЕС является отсутствие у данных принципов узко специального характера, их примени-

мость к различным сферам правоотношений¹⁰. В этой связи, прежде чем перейти к анализу использования Судом ЕС принципа правовой определенности в сфере таможенных правоотношений, целесообразно проанализировать общие подходы Суда ЕС к данному принципу, поскольку они в полной мере применимы и к сфере таможенного права.

В научной литературе, посвященной праву ЕС, как правило, выделяют два основных аспекта принципа правовой определенности: требование ясности правовых актов (материальный аспект) и темпоральный аспект, выражающийся, в частности, в запрете обратной силы закона¹¹. Однако, как показывает анализ практики Суда ЕС и Суда Евразийского экономического союза, в рамках таможенных отношений суды обращались преимущественно к материальному аспекту.

Требование ясности акта подразумевает прежде всего наличие у акта правовой базы, т.е. четкого указания на норму первичного или вторичного права, на основании которой принят оспариваемый акт институтов ЕС. Соответствующий подход изложен, в частности, в решении Суда ЕС по делу France v. Commission. Наличие правовой базы позволяет частным лицам понять, на каких положениях учредительных договоров или актов вторичного права основан оспариваемый акт и, таким образом, его основную направленность, а судебному органу — осуществить контроль его законности.

⁴ Court of Justice of the European Union (CJEU). Gottfried Heinrich. Case No. C-345/06. Judgment of 10 March 2009. ECLI:EU:C:2009:140.

⁵ См.: Энтин К. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С. 65.

⁶ См.: Schermers H. G., Waelbroeck D. F. Judicial Protection in the European Union. 6th ed. The Hague : Kluwer Law, 2001. P. 65 ; Chalmers D., Davies G., Monti G. European Union law: text and materials. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 44.

⁷ CJEU. Ireland v. Commission of the European Communities. Case No. 325/85. Judgment of 15 December 1987. § 18.

⁸ CJEU. Commission of the European Communities v. French Republic. Case No. C-30/89. Judgment of 13 March 1990. § 23. EU:C:1990:114.

⁹ CJEU. Opel Austria GmbH v. Council of the European Union. Case No. T-115/94. Judgment of 22 January 1997. ECLI:EU:T:1997:3.

¹⁰ См.: Энтин К. В. Указ. соч. С. 66, 67 ; Lang J. Legal Certainty and Legitimate Expectations // General Principles of European Community Law : Reports from a Conference in Malmö, 27–28, August 1999: Organised by the Swedish Network for European Legal Studies and the Faculty of Law, University of Lund / ed. by U. Bernitz, J. Nergelius. The Hague : Kluwer Law International, 2000. P. 164.

¹¹ См.: Chalmers D., Davies G., Monti G. Op. cit. P. 411 ; Ahmetaj H. Legal certainty and legitimate expectation in the EU Law // Interdisciplinary Journal of Research and Development «Alexander Moisiu» University, Durrës, Albania. 2014. Vol. I, No. 2. P. 21.

Как отмечено Судом ЕС в решениях по делам *Commission v. Council*¹² и *Italy v. Commission*¹³, в случае, когда правовая база может быть с достаточной уверенностью выведена из содержания акта, ее отсутствие не будет основанием для отмены акта Судом.

Ясность акта также подразумевает доведение его до общего сведения путем публикации в официальных источниках. Так, в решении по делу *Opel Austria* суд общей юрисдикции установил, что оспариваемый регламент Совета был намеренно опубликован им позднее указанной даты принятия, констатируя, что тем самым Совет нарушил принцип правовой определенности.

Наконец, еще одним выражением требования ясности акта является отсутствие внутренних противоречий. Так, в уже упомянутом решении по делу *Opel Austria* нечеткость правил явилась одним из оснований отмены Судом Регламента Совета. Суд отметил, что Регламент, создающий ситуацию, при которой сосуществуют две противоречащие друг другу правовые нормы в отношении таможенных сборов, взимаемых при импорте определенных товаров в Сообщество, не может расцениваться в качестве четкого законодательства, применение которого является предсказуемым для заинтересованных лиц, и таким образом нарушает принцип правовой определенности.

Применение Судом ЕС принципа правовой определенности при разрешении дел в области таможенных правоотношений

Особое значение принцип правовой определенности приобрел при рассмотрении Судом ЕС дел, касающихся таможенно-тарифной классификации. Подобный вывод основан на том, что при рассмотрении дел в области таможенных правоотношений, в частности в решениях по делам *Henck v. Hauptzollamt*¹⁴, *Sprengen/Pakweg*

*Douane*¹⁵, *Toorank Productions*¹⁶, Суд ЕС аргументировал осуществляемый им выбор объективных характеристик и свойств товара в качестве критерия классификации товаров в рамках Комбинированной номенклатуры ЕС ссылкой на указанный принцип. Следует оговориться, что критерий объективных характеристик и свойств товара действует по умолчанию в тех случаях, когда Комбинированная номенклатура ЕС не содержит предписаний о применении иных классификационных критериев, например предполагаемого назначения или метода производства товара.

Генеральный адвокат Ф. Джейкобс в заключении по делу *Wiener S.I. GmbH v. Hauptzollamt Emmerich*¹⁷ обратил особое внимание на принцип правовой определенности, мотивируя свою позицию тем, что при рассмотрении дел о таможенной классификации Суду ЕС приходится не только разрешать вопрос о законности регламентов Европейской комиссии о классификации, в которых зачастую ставится вопрос о полномочиях данного органа ЕС, или вопрос о правильном применении соответствующих правил интерпретации товаров для таможенных целей, но и наиболее часто — рассматривать преюдициальный запрос национального суда, в производстве которого находится дело о классификации конкретного товара. При таких обстоятельствах от Суда ЕС требуется, либо чтобы он сам классифицировал спорный товар, либо чтобы он раскрыл содержание термина, используемого для описания конкретной товарной позиции. По мнению Генерального адвоката, основополагающими для разрешения на наднациональном уровне споров о таможенной классификации товаров являются следующие принципы: 1) принцип классификации на основании объективных характеристик и свойств рассматриваемых товаров; 2) принцип, согласно которому предполагаемое использование продукта может представлять собой критерий классификации, если это использование

¹² CJEU. *Commission of the European Communities v. Council of the European Communities*. Case No. 45/86. Judgment of 26 March 1987. ECLI:EU:C:1987:163. § 9.

¹³ CJEU. *Italy v. Commission*. Case No. T-308/05. Judgment of 12 December 2007. ECLI:EU:T:2007:382. § 124.

¹⁴ CJEU. *Günter Henck v. Hauptzollamt Emden*. Case No. 36/71. Judgment of 23 March 1972. § 4. EU:C:1972:25.

¹⁵ CJEU. *Sprengen/Pakweg Douane BV v. Staatssecretaris van Financiën*. Case No. C-97/15. Judgment of 14 July 2016. § 32. EU:C:2016:556.

¹⁶ CJEU. *Toorank Productions*. Joined cases C-532/14 and C-533/14. Judgment of 12 May 2016. § 34–26. EU:C:2016:337.

¹⁷ CJEU. *Wiener S. I. GmbH v. Hauptzollamt Emmerich*. Case No. C-338/95. Opinion of Advocate General F. Jacobs. EU:C:1997:352.

присуще продукту и если этот неотъемлемый характер использования можно оценить на основе объективных характеристик продукта. Обращение к объективным характеристикам и свойствам имеет своей целью соблюдение принципа правовой определенности.

В решении по делу Wiener S.I. GmbH v. Hauptzollamt Emmerich¹⁸, следуя логике, предложенной Генеральным адвокатом, со ссылкой на более раннюю практику, в частности на решения по делам Deutsche Milchkontor and Others v. Germany¹⁹, Administration des Douanes v. Gondrand Frères and Garancini²⁰, Commission v. France and United Kingdom²¹, Суд ЕС указал, что принцип правовой определенности, будучи основополагающим принципом права Сообщества, требует среди прочего, чтобы правила взимания налогов и сборов с плательщика были четкими и точными, чтобы он мог точно знать, каковы его права и обязанности, и мог предпринять соответствующие шаги.

Интерес представляет аргументация, которую Суд ЕС использует, применяя принцип правовой определенности. В частности, в решении по делу Administration des Douanes v. Gondrand Frères and Garancini не только указано на требование четкости и точности в отношении правовых норм, влекущих обязанность по уплате сборов, но и отмечено, что спорные нормы являются неясными. Последнее подтверждается тем, что даже компетентные таможенные органы изначально истолковали данные правила тем же образом, что и ответчик, и лишь спустя три года после даты первого ввоза таможенные органы решили вернуть неуплаченные платежи.

Несмотря на то что Суд ЕС ни в одном решении не раскрыл, как выбор того или иного критерия классификации товаров влияет на правовую определенность, представляется, что при обосновании своей правовой позиции он исходил из того, что, с одной стороны, сам

факт установления общего правила, применяемого по умолчанию в отсутствие специальных указаний, будет способствовать правовой определенности, а с другой — выбранный критерий облегчит самостоятельное определение классификации ввозимых товаров хозяйствующими субъектами и контроль правильности классификации таможенными и судебными органами.

При этом следует оговориться, что, как и товарные номенклатуры других стран, Комбинированная номенклатура ЕС основана на Международной конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования товаров, в связи с чем аналогичный подход к классификации товаров применяется таможенными и судебными органами по всему миру, включая Суд ЕАЭС. В этой ситуации отсылка к принципу правовой определенности служит лишь для усиления аргументации Суда ЕС, но не оказывает какого-либо влияния на результат.

Принцип правовой определенности в практике Суда ЕАЭС

Впервые термин «общие принципы права Союза» был использован Судом ЕАЭС в консультативном заключении по делу о государственных закупках²² в отношении принципа пропорциональности. Вместе с тем анализ практики Суда ЕАЭС показывает, что уже в 2016–2017 гг. начинается работа по формированию им собственного каталога правовых принципов, используемых не только для толкования права ЕАЭС, но и в качестве самостоятельных оснований определения законности актов, действий или бездействия органов ЕАЭС или его государств-членов. Так, в консультативном заключении по делу о свободном движении товаров²³ Суд ЕАЭС указал, что государства-члены могут вводить ограничительные меры во взаимной торговле при условии, что цель принятия национальной

¹⁸ CJEU. Wiener S. I. GmbH v. Hauptzollamt Emmerich. Case No. C-338/95. Judgment of 20 November 1997. EU:C:1997:552.

¹⁹ CJEU. Deutsche Milchkontor and Others v. Germany. Joined cases Nos. 205/82–215/82. Judgment of 21 September 1983. EU:C:1983:233.

²⁰ CJEU. Administration des Douanes v. Gondrand Frères and Garancini. Case No. 169/80. Judgment of 9 July 1981. EU:C:1981:171.

²¹ CJEU. Commission v. France and United Kingdom. Joined cases Nos. 92/87 and 93/87. EU:C:1989:77.

²² Суд ЕАЭС. Евразийская экономическая комиссия (дело о государственных закупках). Дело № Р-3/20 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/P-3.20/ (дата обращения: 10.03.2023).

²³ Суд ЕАЭС. Евразийская экономическая комиссия (дело о свободе движения товаров). Дело № Р-3/17 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/P-3.17/ (дата обращения: 10.03.2023).

меры соответствует одному из оправдывающих обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 29 Договора о Евразийском экономическом союзе, и что сама мера не является средством произвольной дискриминации или замаскированного ограничения в торговле между государствами-членами и пропорциональна цели ее принятия. Таким образом, выполнение теста пропорциональности стало самостоятельным условием признания принятых государством-членом мер соответствующими праву ЕАЭС.

Прежде чем переходить к анализу применения Судом ЕАЭС принципа правовой определенности, необходимо отметить, что обращение к данному принципу было свойственно и Суду Евразийского экономического сообщества (далее — Суд ЕврАзЭС).

В решении по делу ОНП²⁴ Апелляционная палата Суда ЕврАзЭС указала, что в связи с необходимостью точной классификации товара Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК, Комиссия) при принятии классификационного решения «надлежало соблюсти общий принцип правовой определенности, который требует конкретизации квалифицирующих признаков для каждой товарной позиции Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (далее — ТН ВЭД ТС) в целях обеспечения единообразного толкования правоприменителем нормы, содержащейся в правовом акте Комиссии». Суд ЕврАзЭС посчитал, что отсутствие в решении Комиссии Таможенного союза от 18.10.2011 № 819 мотивированного обоснования применения для классификации демилитаризованных гусеничных транспортеров-тягачей исключительно правил 1 и 6 ОПИ, а также исключительно товарных позиций 8702–8704 ТН ВЭД ТС без конкретизации квалифицирующих признаков для каждой товарной позиции (в том числе без конкретизации основных и вспомогательных функций товара) в качестве критериев для классификации товара в определенной классификационной группировке не соответствует принципу правовой определенности.

Апелляционная палата Суда ЕврАзЭС указала также на отсутствие в оспариваемом решении четких критериев отнесения демилитаризо-

ванных гусеничных транспортеров-тягачей к определенной товарной позиции ТН ВЭД ТС, что привело к расширительной правоприменительной практике за счет применения решения Комиссии ко всем случаям ввоза на таможенную территорию Таможенного союза демилитаризованных гусеничных транспортеров-тягачей, в том числе к не прошедшим модернизацию (модификацию) для перевозки в основном людей или грузов. Суд сделал вывод, что, не закрепив четких критериев, обеспечивающих возможность однозначной классификации демилитаризованных гусеничных транспортеров-тягачей в определенной товарной позиции, вопреки требованиям ясности, определенности и недвусмысленности правового регулирования, вытекающих из общих принципов международного права и международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, Комиссия нарушила Конвенцию о гармонизированной системе описания и кодирования товаров (Брюссель, 1983 г.).

Таким образом, можно констатировать, что принцип правовой определенности рассматривался Судом ЕврАзЭС сразу в двух аспектах. Во-первых, как справедливо указывает судья Суда ЕАЭС К. Л. Чайка, правовая определенность рассматривается как требование к ясности и обоснованности правовой нормы²⁵. Иными словами, речь идет о требовании к качеству правового регулирования, которое, в случае его невыполнения, будет самостоятельным основанием для установления несоответствия решения Комиссии праву ЕАЭС. Что интересно, Суд связывает требование ясности с обязанностью Комиссии мотивировать свое решение, т.е. объяснить, по какой причине ею были выбраны те или иные основания для классификации. Подобный подход представляется важным прежде всего в аспекте реализации права частных лиц на судебную защиту и осуществления судебного контроля законности принимаемых Комиссией решений.

Во-вторых, правовая определенность понимается Судом ЕврАзЭС как требование о том, чтобы решение Комиссии не влекло необоснованного расширения или сужения объема

²⁴ Суд ЕврАзЭС. ООО «ОНП». Дело № 1-7/2-2012 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/1-7.2-2012/ (дата обращения: 10.03.2023).

²⁵ См.: Чайка К. Л. Правовая определенность как критерий действительности решений о классификации отдельных видов товаров в интеграционных объединениях // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 1. С. 62.

товарных позиций, что способно привести к классификации товаров в иных товарных позициях, чем это следует из ТН ВЭД ТС. В этом аспекте принцип правовой определенности выступает уже не в качестве самостоятельного основания контроля законности, но как дополнительное *средство аргументации* решения Суда, поскольку невозможность расширения или сужения сферы охвата товарных позиций непосредственно вытекает из ст. 3 Конвенции о гармонизированной системе. Таким образом, нарушение принципа правовой определенности является в данном случае следствием необоснованного сужения или расширения охвата товарной позиции.

Еще одно обращение к принципу правовой определенности имело место в решении Коллегии Суда ЕврАзЭС по делу «Вичюнай-Русь»²⁶. Коллегия Суда ЕврАзЭС отметила, что право Сообщества, регулирующее права и обязанности хозяйствующих субъектов, должно отвечать принципу правовой определенности и не содержать противоречий. Вместе с тем данный пассаж решения представляет собой лишь *obiter dictum*, не повлиявший каким-либо образом на исход дела.

Относительно обращения Суда ЕАЭС к принципу правовой определенности необходимо отметить, что, как и в практике Суда ЕС, он также часто используется в качестве дополнительного средства правовой аргументации. Так, в решении Коллегии Суда по делу «Севлад»²⁷, предметом оспаривания по которому являлось решение ЕЭК о классификации отдельного вида товара, правовая определенность послужила для обоснования выбранного Судом ЕАЭС подхода к интерпретации правового понятия «непосредственной заинтересованности», определяющего *locus standi* (право на обращение в суд) хозяйствующего субъекта. Суд ЕАЭС указал, что «в соответствии с принципом правовой определенности решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе когда соответ-

ствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью».

Следует отметить, что обращение к принципу правовой определенности для аргументации выбранного Судом ЕАЭС подхода не случайно, поскольку критерий применимости регулирования к хозяйствующему субъекту представляет собой наиболее простой и легко проверяемый критерий для оценки того, затронуты ли права и законные интересы хозяйствующего субъекта.

С одной стороны, данный критерий не требует, чтобы оспариваемое хозяйствующим субъектом решение Комиссии уже было к нему применено на практике. Иначе говоря, для оспаривания классификационного решения Комиссии хозяйствующему субъекту нет необходимости доказывать, что он уже ввез товары согласно новому решению и понес убытки в результате применения к нему более высокой ставки таможенной пошлины. Более того, заинтересованность лица в правильной классификации ввозимого товара может существовать даже в отсутствие разницы в применимой ставке таможенной пошлины и заключаться в реализации права хозяйствующего субъекта на классификацию товара.

Вместе с тем бремя доказывания непосредственной заинтересованности лежит на хозяйствующем субъекте, что предполагает его возможность показать, что оспариваемое решение Комиссии действительно влияет на его правовое положение²⁸. Применительно к рассматриваемой ситуации оспаривания классификационного решения такими доказательствами могут служить либо таможенные декларации, свидетельствующие, что им ранее ввозились соответствующие товары, либо доказательства использования в своей деятельности и наличия потребности во ввозе соответствующих товаров.

Наконец, интересно обратить внимание, что Коллегия Суда в решении по делу «Севлад» хотя и аргументировала свой подход принципом правовой определенности, но не стремилась дать исчерпывающее определение, что выражается в использовании оборота «в том числе». Так же как Суд ЕС в делах о классифи-

²⁶ Суд ЕврАзЭС. ООО «Вичюнай-Русь». Дело № 2-4/6-2014 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/2-4.6-2014/ (дата обращения: 10.03.2023).

²⁷ Суд ЕАЭС. ООО «Севлад». Дело № С-5/15 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/C-5.15/ (дата обращения: 10.03.2023).

²⁸ См.: Дьяченко Е. Б. Доказывание при рассмотрении Судом Евразийского экономического союза дел в области таможенных правоотношений // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 3. С. 49.

кации товаров формулировал со ссылкой на принцип правовой определенности общее правило, допуская возможность отступления от него в случаях, предписанных Комбинированной номенклатурой ЕС, Суд ЕАЭС выработал общее правило, позволяющее хозяйствующим субъектам доказать свою заинтересованность, оговорившись при этом, что потенциально хозяйствующие субъекты могут и иными способами доказать, что их права и законные интересы затронуты.

Трансформация правовой определенности в направлении общего принципа права ЕАЭС, т.е. принципа, используемого не только в качестве средства аргументации или толкования норм права ЕАЭС, но и в качестве самостоятельного элемента контроля законности актов органов ЕАЭС или государств-членов праву ЕАЭС, произошла с принятием консультативного заключения по делу о критериях допустимости вертикальных соглашений²⁹. В рамках соответствующего заключения свою позицию о недопустимости изменения в национальном законодательстве по сравнению с правом ЕАЭС товарного рынка, на котором определяется доля хозяйствующего субъекта на товарном рынке, для которого запрещены вертикальные соглашения, Суд ЕАЭС мотивировал в том числе ссылкой на то, что подобное внутригосударственное регулирование не соответствует принципу правовой определенности³⁰.

Однако наибольшее развитие принцип правовой определенности получил в практике Суда в сфере таможенных правоотношений по делам об оспаривании решений ЕЭК о классификации отдельных видов товара.

Принцип правовой определенности при разрешении Судом ЕАЭС дел о таможенной классификации

Знаменательным для Суда ЕАЭС стало дело «Шиптрейд»³¹, в котором рассматривался во-

прос о классификации судового дизельного двигателя. В решении от 18.06.2019 Коллегия Суда отметила, что вопреки требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования Комиссия в оспариваемом решении не детализировала общие характеристики и особенности товара, позволяющие соотнести его с наименованием определенной субпозиции Товарной номенклатуры внешне-экономической деятельности ЕАЭС (далее — ТН ВЭД ЕАЭС), текстами примечаний и пояснений. Данный вывод был подтвержден и Апелляционной палатой в решении от 31.10.2019, отметившей, что в оспариваемом решении Коллегии ЕЭК классифицирующий признак описан не применительно к классифицируемому товару (дизельному двигателю), а применительно к иному товару, относящемуся к другой позиции ТН ВЭД ЕАЭС (электродвигатель). Таким образом, отсутствие правовой определенности в результате смешения в одном классификационном решении характеристик, относящихся к различным товарам, явилось самостоятельным основанием признания решения Комиссии не соответствующим праву ЕАЭС.

Сходным образом в решениях Коллегии Суда и Апелляционной палаты по делу «Доминантафарм»³² нарушение Комиссией принципа правовой определенности послужило самостоятельным основанием для признания решения ЕЭК не соответствующим праву ЕАЭС. Истом оспаривалась классификация Комиссией магнийсодержащего препарата в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС, относящейся к пищевым продуктам, в то время как он представляет собой лекарственное средство, которому соответствует товарная позиция 3004. Суд ЕАЭС посчитал, что решающее значение для классификации товара имеет концентрация активного вещества, что дает возможность определить его назначение. В случае, когда препарат содержит недостаточное количество активного вещества, в связи с чем не оказывает терапевтического или профилактического действия и

²⁹ Суд ЕАЭС. Министерство юстиции Республики Беларусь (дело о вертикальных соглашениях). Дело № P-1/17 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/P-1.17/ (дата обращения: 10.03.2023).

³⁰ См.: Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права конкуренции Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13. № 4. С. 177.

³¹ Суд ЕАЭС. ООО «Шиптрейд». Дело № C-1/19 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/C-1.19/ (дата обращения: 10.03.2023).

³² Суд ЕАЭС. ОДО «Доминантафарм». Дело № C-2/21 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/C-2.21/ (дата обращения: 10.03.2023).

не имеет указаний к применению для лечения или профилактики каких-либо заболеваний, он не может классифицироваться в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС. С учетом отсутствия в оспариваемом решении в описании товара указания на концентрацию активного вещества Суд ЕАЭС пришел к выводу, что решение Комиссии носит неопределенный характер, поскольку позволяет относить к одной группе различные по своим свойствам и объективным характеристикам товары.

Еще одним чрезвычайно интересным примером обращения Суда к принципу правовой определенности является дело «ИП Фельбуш»³³, касавшееся классификации мотоблока (мотокультиватора). Коллегия Суда в решении от 01.11.2021 посчитала, что указание в скобках в названии и в тексте оспариваемого решения ЕЭК товара «мотокультиватор» вводит в оспариваемое решение не один, а два отдельных вида товара, что противоречит принципу правовой определенности. Апелляционная палата в решении от 13.01.2022 не согласилась с подобным прочтением, указав, что оспариваемое решение объединяет в отдельный вид товара только устройства (машины), названные мотоблоками *или* мотокультиваторами, которые независимо от их наименования обладают критериями и характеристиками, приведенными в его тексте.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что принцип правовой определенности в его материальном выражении рассматривается Судом ЕАЭС в качестве самостоятельного основания признания решения Комиссии несоответствующим праву ЕАЭС. К. Л. Чайка отмечает, что, применяя принцип правовой определенности, Суд исходил из таких его элементов, как ясность и недвусмысленность³⁴. При этом правовая неопределенность может возникать как в случае смешения в содержании одного классификационного решения классификационных признаков, характерных для разных товарных позиций (как

в деле «Шиптрейд»), так и в случае отсутствия в классификационном решении необходимых классификационных признаков, что приводит уже к классификации в одной товарной позиции товаров, подлежащих классификации в различных товарных позициях (как в деле «Доминантафарм»).

Заключение

Как показывает проведенный анализ, принцип правовой определенности нашел широкое применение в практике Суда ЕС и Суда ЕАЭС. Прежде всего он является важным средством правовой аргументации. При этом, в отличие от некоторых других способов аргументации, обращение к данному принципу не связано с использованием какого-либо конкретного метода толкования.

Возможность классификации принципа правовой определенности в качестве общего принципа права ЕС и ЕАЭС обусловливается его использованием в качестве самостоятельного основания для признания акта, действия или бездействия института или органа интеграционного объединения либо государства члена не соответствующим его праву. В рамках таможенных правоотношений судами интеграционных объединений принцип правовой определенности используется в материальном аспекте, заключающемся в требовании ясности и непротиворечивости правового акта. Практика Суда ЕАЭС, посвященная классификации отдельных видов товаров, показывает, что правовая неопределенность может быть следствием как смешения в содержании одного классификационного решения классификационных признаков, характерных для разных товарных позиций, так и отсутствия в классификационном решении необходимых классификационных признаков, позволяющих разграничить товары, подлежащие классификации в различных товарных позициях.

³³ Суд ЕАЭС. ИП Фельбуш Д. Ю. Дело № С-6/21 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/C-6.21/ (дата обращения: 10.03.2023).

³⁴ См.: Чайка К. Л. Указ. соч. С. 63.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дьяченко Е. Б. Доказывание при рассмотрении Судом Евразийского экономического союза дел в области таможенных правоотношений // Вестник Российской таможенной академии. — 2022. — № 3. — С. 45–56.
2. Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права конкуренции Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 13. — № 4. — С. 177–204.
3. Чайка К. Л. Правовая определенность как критерий действительности решений о классификации отдельных видов товаров в интеграционных объединениях // Вестник Российской таможенной академии. — 2022. — № 1. — С. 59–67.
4. Энтин К. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. — 2022. — № 2 (42). — С. 64–83.
5. Ahmetaj H. Legal certainty and legitimate expectation in the EU Law // Interdisciplinary Journal of Research and Development «Alexander Moisiu» University, Durrës, Albania. — 2014. — Vol. I, No. 2. — P. 20–25.
6. Chalmers D., Davies G., Monti G. European Union law: text and materials. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — 1116 p.
7. Lang J. Legal Certainty and Legitimate Expectations // General Principles of European Community Law: Reports from a Conference in Malmö, 27–28, August 1999: Organised by the Swedish Network for European Legal Studies and the Faculty of Law, University of Lund / ed. by U. Bernitz, J. Nergelius. — The Hague : Kluwer Law International, 2000. — P. 163–184.
8. Schermers H. G., Waelbroeck D. F. Judicial Protection in the European Union. — 6th ed. — The Hague : Kluwer Law International, 2001. — 889 p.
9. Tridimas T. The General Principles of EU Law. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 591 p.
10. Van Meerbeeck J. (2016). The Principle of Legal Certainty in the Case Law of the European Court of Justice: From Certainty to Trust // European Law Review. 2016. — Vol. 41, No. 2, 2016. — P. 275–288.

Материал поступил в редакцию 11 марта 2023 г.

REFERENCES

1. Dyachenko EB. Dokazyvanie pri rassmotrenii Sudom Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza del v oblasti tamozhennykh pravootnosheniy [Evidence during consideration by the Court of the Eurasian Economic Union of cases in the field of customs legal relations]. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii [Vestnik of Russian Customs Academy]*. 2022;3:45-56. (In Russ.).
2. Dyachenko EB, Entin KV. Rol konsultativnykh zaklyucheniy. Suda EES v razvitii prava konkurentzii Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [The role of advisory opinions. The EAEU Courts in the development of competition law of the Eurasian Economic Union]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2021;13(4):177-204. (In Russ.).
3. Chayka KL. Pravovaya opredelennost kak kriteriy deystvitelnosti resheniy o klassifikatsii otdelnykh vidov tovarov v integratsionnykh obedineniyakh [Legal certainty as a criterion for the validity of decisions on the classification of certain types of goods in integration associations]. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii [Vestnik of Russian Customs Academy]*. 2022;1:59-67. (In Russ.).
4. Entin K. Obshchie printsipy prava integratsionnykh obedineniy kak taynoe oruzhie Suda ES i Suda EES [General principles of the law of integration associations as a secret weapon of the EU Court and the EAEU Court]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. 2022;2(42):64-83. (In Russ.).
5. Ahmetaj H. Legal certainty and legitimate expectation in the EU Law. *Interdisciplinary Journal of Research and Development «Alexander Moisiu» University, Durrës, Albania*. 2014;1(2):20-25.
6. Chalmers D, Davies G, Monti G. European Union law: text and materials. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2010.
7. Lang J. Legal Certainty and Legitimate Expectations. *General Principles of European Community Law: Reports from a Conference in Malmö, 27–28, August 1999: Organised by the Swedish Network for European Legal Studies and the Faculty of Law, University of Lund*. Bernitz U, Nergelius J, editors. Kluwer Law International; 2006. Pp. 163–184.
8. Schermers HG, Waelbroeck DF. Judicial Protection in the European Union. 6th ed. The Hague: Kluwer Law International; 2001.
9. Tridimas T. The General Principles of EU Law. Oxford University Press; 2006.
10. Van Meerbeeck J. The Principle of Legal Certainty in the Case Law of the European Court of Justice: From Certainty to Trust. *European Law Review*. 2016;41(2):275-288.